

Леонида Витальевича я помню с раннего детства. И он, и Дмитрий Константинович* часто у нас бывали. А тогда было принято, чтобы дети называли взрослых дядями и тетями, так что Леонида Витальевича я называл “дядя Леня”, а Дмитрия Константиновича — “дядя Митя”. И в связи с этим я вспомнил, что, когда я поступил на матмех, как-то за столом в шутку обсуждался вопрос, какое оживление будет в аудитории, если я, опоздав на лекцию к Исидору Павловичу и входя, спрошу: “Папа, можно войти?”. Мама тут же съязвила: “Будет гораздо эффективнее, если ты опоздаешь к Фаддееву и спросишь: „Дядя Митя, можно войти?“”

У Леонида Витальевича я слушал функциональный анализ. Это было на третьем курсе. Сейчас-то на матмехе читается большой сточасовый курс функционального анализа, а тогда это был небольшой спецкурс. Я уже не очень хорошо помню, в чем он состоял. Мне потом, естественно, с функциональным анализом приходилось сталкиваться, но оказалось, что именно этот маленький спецкурс дал мне на всю жизнь понятие о том, что же такое функциональный анализ. Как этого Леонид Витальевич добился, я не очень хорошо понимаю, но тем не менее это именно так, хотя, по мнению многих, Леонид Витальевич не был, мягко говоря, образцовым лектором. Кстати, буквально на днях я встречался со своими однокурсниками, причем в этой компании были не математики, а механики. И они прослушали всего одну лекцию Леонида Витальевича — как-то, когда мы учились еще на первом курсе, он по какой-то причине заменял Г. М. Фихтенгольца. Это был 1948 год — пятьдесят два года прошло, но у них осталось вот это яркое впечатление: “Мы слушали Канторовича”. А конспект этой лекции у меня сохранился.

Среди сочинений Леонида Витальевича есть не очень известный небольшой учебник по теории вероятностей, довольно элементарный, написанный им по лекциям, которые он читал в военном училище. И вот какая история у меня с этим учебником приключилась. Тогда — это был шестидесятый год — я преподавал в Герценовском институте, и мне поручили вести практические занятия по теории вероятностей. Я стал подбирать задачи, а разнообразных вероятностных задач не так уж и много, поэтому я использовал книжку Леонида Витальевича, в которой содержится довольно много задач. Как-то, готовясь к очередному занятию, я выбрал задачу из этого учебника: какая-то пушка стреляла по цели, что-то типа этого. Причем в учебнике была приведена не только сама задача, но и ее решение. Я решение отложил: “Сам с усам!” Решил задачу и с удивлением обнаружил, что ответ у меня другой. Время уже было за полночь, я попыттел-попыттел — ошибки не нашел. Отец еще не спал — я пришел к нему, говорю: “Вот — странная вещь. Вот задача — вот два решения. Одно Леонида Витальевича, а другое мое. Мне кажется, что оба верные, а ответы разные, что как-то не укладывается в моем мировосприятии”. Отец посмотрел, сходу ничего не придумал: “Завтра поговорим”. На этой задаче свет, естественно, клином не сошелся — взял другую и пошел в институт.

Вернулся домой, и мы с отцом стали задачу смотреть. Смотрели-смотрели — ничего не придумали. Отец тогда дружил с Борисом Александровичем Рымаренко, заведующим кафедрой математики в Военно-механическом

институте, учеником С. Н. Бернштейна еще по Харькову. Позвонили Рымаренко — он что-то невразумительное “проблеял”, но ничего дельного не сказал. Но хотелось разобраться, в чем же дело, где ошибка — в каком решении? Подумали и обратились к Г. Ш. Рубинштейну. Позвонил ему: “Геннадий Соломонович, у меня к вам такая просьба — не могу разобраться с задачей. Вот два решения — одно Л. В. Канторовича, другое мое. Ответы разные, а ошибки ни в одном из решений найти не могу”. — “Хорошо, я подумаю и через полчаса вам позвоню”. Меня это немного покорило — какая уверенность в себе! Позвонил он не через полчаса, а через час и начал критиковать решение Леонида Витальевича — а я ему не сказал, какое из решений мое. Я грудью встал на защиту академика. Еще через час он позвонил и сказал, что обнаружил ошибку в моем решении — некоторые события, которые я считал независимыми, на самом деле зависимы. Вот так, в задаче, видимо показавшейся Леониду Витальевичу элементарной, раз он привел ее в учебнике для курсантов военного училища, четыре профессора математики с трудом разобрались. Но самое смешное, что теперь я не могу эту задачу найти, не могу вспомнить, о какой же задаче шла тогда речь.

Всем известно, что на семинарах Леонид Витальевич обычно спал — садился в первом ряду и засыпал. При этом, когда доклад заканчивался, он просыпался, начинал задавать вопросы по существу и, выступая, всегда очень точно оценивал работу. И в связи с этим мне вспоминается один смешной эпизод, произошедший на семинаре Л. В. Канторовича в ЛОМИ. На семинар приехал какой-то иногородний докладчик, который этой манеры Леонида Витальевича не знал. А Леонид Витальевич, как обычно, сел в первый ряд и стал “клевать носом”. Докладчик же начал необыкновенно экспансивно что-то рассказывать и вдруг... увидел спящего Канторовича. Его всего как-то передернуло, и он даже не сразу смог продолжить доклад. Потом снова возбудился, начал опять что-то энергично рассказывать, потом посмотрел на спящего Канторовича и опять его передернуло. И так несколько раз в течение доклада он взглядывал на спящего Леонида Витальевича и “передергивался”. Доклад закончился, Леонид Витальевич проснулся и, что удивило докладчика, решил выступить. Но само выступление его уже ошеломило — Леонид Витальевич сказал, что в работе имеются такая-то и такая-то принципиальные ошибки, вследствие чего все результаты докладчика “летят”.

Часто бывало и на экзаменах, что если студент что-то талдычит, а Леонид Витальевич всё время дремлет, то завершалось это обычно так: Леонид Витальевич просыпается: “Вы закончили?” — “Да”. — “Идите, два”. Но правда, не всегда. Ведь Леонид Витальевич был неравнодушен к женской красоте. Как-то Леонид Витальевич помогал Исидору Павловичу на экзамене. И одна очень симпатичная студентка (я не буду называть ее фамилии) что-то очень долго объясняла Леониду Витальевичу, а он очень внимательно ее слушал — сна ни в одном глазу. Потом разговор завершается, и Исидор Павлович наблюдает какое-то неудовольствие. Он, зная манеру Леонида Витальевича, решил, что, по-видимому, пятерка не получилась — четверка. Оказалось, что двойка.

Вспоминаю еще одну экзаменационную историю, рассказанную Исидором Павловичем. Как-то он экзаменовал одну очень милую студентку, при этом достаточно сильную. И желая поставить ей пятерку, предложил довольно трудную

задачу. Дал задачу — она думает. Через некоторое время Исидор Павлович к ней подходит, она немного продвинулась, а что дальше делать — не знает. Он дал ей подсказку. Подходит еще через некоторое время — опять она продвинулась, но задачу до конца не решила. Дает еще подсказку. Сколько раз это повторялось — не знаю. А в аудитории находился Леонид Витальевич. Когда они вместе уходили с экзамена и делились впечатлениями, Исидор Павлович похвалил эту студентку, что вот мол она решила очень трудную задачу, правда, ей пришлось немного помочь. “А, значит, ты тоже ей помогал”, — сказал Леонид Витальевич.

Вспоминается одно купание с Леонидом Витальевичем. Как-то я приехал в гости к Залгаллерам на их дачу в Горьковскую. К ним зашел Леонид Витальевич, их дачи были неподалеку. День был очень жаркий, и все решили поехать купаться на Финский залив, в Ушково. И тогда я впервые столкнулся с манерой плавания Леонида Витальевича. Он плавал как утка, а поскольку он любил очень далеко заплывать, Наталия Владимировна его в одиночку старалась не отпускать, и ему нужен был спутник. “Ну что, Гаральд, не хочешь вместе сплавать?” — “С удовольствием, Леонид Витальевич”. Я плаваю довольно прилично, и мы поплыли. А он плыл очень медленно, не торопясь — “плюх-плюх”, “плюх-плюх”. И хоть и медленно, а мы все удаляемся и удаляемся от берега. Я уже начинаю не то что нервничать, но удивляться: сколько это может продолжаться? Отплыли мы, ну по крайней мере, на полкилометра от берега. Наконец, Леонид Витальевич говорит: “Ну что? Обратно?” — “Как угодно”. И поплыли обратно. На меня его способ плавания произвел тогда большое впечатление.

И, наконец, еще одна история, связанная с Нобелевской премией. У Виктора Абрамовича Залгаллера была в Москве родственница по фамилии Сатарова. Она была театральной портнихой, а кроме того зарабатывала как модельерша экстракласса, обслуживая дипломатических жен. Между прочим, ее сын — Георгий Сатаров, тот самый, что одно время был помощником Ельцина. Когда Леонид Витальевич должен был ехать в Стокгольм, то нужны были соответствующие туалеты для Наталии Владимировны. И тогда Залгаллер сосватал Наталии Владимировне Сатарову. Насколько мне известно, сшитое ею платье для Наталии Владимировны завоевало второе место на конкурсе туалетов дам, сопровождавших Нобелевских лауреатов. Но это второе было очень почетно. Дело в том, что в тот год Нобелевскую премию получил Оге Бора, сын Нильса Бора, и, то ли он был холост, то ли его жена по каким-то причинам не смогла поехать в Стокгольм, но дамой, сопровождавшей Оге Бора, была королева Дании, и ее наряду присудили первое.